

Книги Егора Чекрыгина
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

СТРАННЫЙ ПРИЯТЕЛЬ
СТРАННЫЙ ПРИЯТЕЛЬ. ТАЙНА ВРАТ
СТРАННЫЙ ПРИЯТЕЛЬ. СОКРОВИЩА ИМПЕРИИ
СТРАННЫЙ ПРИЯТЕЛЬ. ТАИНСТВЕННЫЙ АМУЛЕТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЕГОР ЧЕКРЫГИН

СТРАННЫЙ ПРИЯТЕЛЬ.
ТАИНСТВЕННЫЙ АМУЛЕТ

РОМАН

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-37

Серия основана в 1992 году
Выпуск 926

Художник
М. Поповский

Чекрыгин Е. Д.

Ч-37 Странный приятель. Таинственный Амулет: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 313 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1869-5

Морская битва, не имеющая аналога в истории войн, должна решить многолетний спор между двумя государствами. Козырь одной из сторон — сильный флот и опытные моряки, козырь другой — принесенные извне технологии. Но, каков бы ни был исход этого сражения, он поставит точку в долгой войне, после чего наступит мир.

Этот мир развязывает руки старым приятелям, позволяя им заняться поисками сокровищ. И самого главного из них — пропавшего тысячелетия назад загадочного и таинственного Амулета, открывающего дорогу в иные миры.

Но, найдя ключ к дверям, ведущим в неизвестность, хватит ли у друзей решимости им воспользоваться? На этот вопрос у них пока еще нет ответа...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Чекрыгин Е. Д., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1869-5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Флот горел.

Горело несколько флотов.

На огромном пространстве, от горизонта до горизонта, пылали корабли, разбитые залпами пушек, соединенные друг с другом абордажными крючьями.

Корабли горели, взрывались или, сумев отцепиться и поднять паруса на уцелевшем обломке мачты, из последних сил подбирались к очередному врагу, чтобы вгрызться в его глотку уже почти беззубыми челюстями, смыть вкус пороха в горле горячей вражеской кровью и поставить еще одну точку в этом свирепом противостоянии.

Битва уже достигла такого накала и была столь яростной и бескомпромиссной, что ее участники, обезумев и полностью презрев страх гибели, готовы были взрывать собственные корабли, если им казалось, что противник начинает одерживать верх.

Потому что слишком многое было поставлено сегодня на карту. Сегодня решался вопрос, кто будет владеть проливом в Срединное море, а значит, владеть всем миром.

Ренки повесил шпагу на специально вбитые корабельным плотником крючки на стене и, отступив на несколько шагов, с необычайно довольным видом любовался экспозицией.

По краям — мушкеты и пистолеты, изготовленные в лучших мастерских мира. Но это ни в коем разе не декоративное оружие, а очень даже боевое, ибо высокая цена платилась не за драгоценную отделку, но за качество. За-

крепленные в специальных держателях мушкеты и пистолеты можно было в любую секунду снять со стены, зарядить и использовать по прямому назначению. Хоть сейчас готовы были выполнять свою боевую роль и абордажные протазаны, топоры и пики, тоже служащие украшением каюты. Капитанской каюты. *Личной капитанской каюты* капитана оу Ренки Дарээка!

В центре этой экспозиции красовался единственный трофей, повешенный здесь, можно сказать, ради похвалы — шпага контр-адмирала кредонского флота оу Раавинга. Впрочем, и она была не только почетным напоминанием о доблести и удаче благородного оу Ренки Дарээка, но и предостережением от опасности недооценки врага. Несмотря на не слишком-то героическую внешность, адмирал оказался настоящим воином, и только молодость и толика удачи спасли самого Ренки, его друзей, команду, да и весь корабль от гибели в огненном цветке, распустившемся от взрыва крьюйт-камеры. Контр-адмиралу почти удалось погубить врагов-тоореданцев, и лишь по чистой случайности его план не сработал.

Вообще-то обычно благородный оу Ренки Дарээка был не слишком-то склонен задумываться о превратностях судьбы, давно научившись принимать как удары, так и подарки, преподносимые жизнью, со смирением воина, знающего, что подчас все твое мастерство, сила и решительность — ничто по сравнению с капризами распутной девки-удачи. Но были некоторые моменты в его жизни...

Вот взять хотя бы того же оу Раавинга. Доля секунды стала непреодолимым горным хребтом между его триумфом и позорным поражением. Если бы Ренки задержался с прыжком и чуть менее верно направил удар шпаги или если бы выпущенная адмиралом пуля не ушла в потолок, не стать бы ему, благородному оу Дарээка, владельцем и капитаном великолепного фрегата «Счастливей», некогда ходившего под кредонским флагом и носившего имя «Беспощадный».

А если бы не тот удар кинжалом, прервавший жизнь одного не слишком благородного офицера и круто изменив-

ший судьбу молодого романтического сопляка оу Ренки Даррэка, решившего ответить на оскорбление, кто знает, как бы сложилась его последующая жизнь? Сопутствовала бы ему удача или нет, в любом случае жизнь его была бы совершенно другой, и сейчас Ренки было даже страшно подумать о подобном отклонении своего пути.

Да, суд, каторга — это было ужасно! До сих пор Ренки иногда просыпался в холодном поту, все еще ощущая на руках и ногах ржавую тяжесть кандалов и слыша свист кнута надзирателя за спиной.

Но там же, на каторге, он встретил верных друзей, с которыми вместе идет по жизни уже многие годы и благодаря которым ему удалось сделать весьма неплохую карьеру! Мало кто в истории королевства Тооредан, а может быть, и в истории вообще, мог похвастаться таким количеством наград, как их знаменитая *банда*.

И конечно, первым среди друзей был благородный оу Готор Готор (или Сергей Говоров, как называли его в мире, откуда он прибыл в мир Ренки). Сам оу Готор считал, что его появление здесь связано с неким таинственным Амулетом, которым тысячи лет назад владел другой пришелец из его мира, вошедший в легенды под именем Манаун'дак, что на одном из языков древности означало «взрослый ребенок».

Поисками этого Амулета и занимались друзья в свободное от сражений и забот по управлению своими феодальными уделами время. Увы, но война с Кредонской республикой, заявляющей свои права на владение чуть ли не всем миром, забирала слишком много сил и времени и требовала от тоореданцев огромных человеческих жертв.

Хотя если бы не она, едва ли приятелям удалось бы обратиться с каторги, подняться от бесправных узников до военных вождей берега и войти в ближний круг доверенных лиц самого короля!

А взять тот же «Счастливый». Даже не жадность, а восхищение видом прекрасного корабля помешало тогда людям оу Готора и оу Даррэка сжечь этот фрегат, чтобы тот не достался врагу. Они отвели корабль в укромное место и

выбросили на мель в надежде, что рыскающие в поисках врагов кредонцы его не отыщут.

Спустя полгода, несмотря на множество пережитых приключений, военные вожди берега успели вернуться за своей добычей до сезона ураганов, залатать разбитый ядрами корпус и, починив такелаж, отвести корабль в Фааркоон — свою, можно сказать, столицу.

Потом Ренки поднатужился, раскошелился и выкупил «Беспощадного» в личную собственность. Пришлось еще немного потрясти мощной и выложить денежки на более тщательный ремонт, оснащение и даже переделку рангоута, благодаря чему фрегат стал гораздо быстрееходнее.

И вот теперь Ренки — полноправный капитан собственного военного корабля! Как настоящий военный вождь берега. Немного защитник, немного пират, но в любой из этих ипостасей — верный слуга короля. О чем еще можно мечтать?

Разве что о еще больших подвигах и славе? Но именно за ними он и собирается отправиться в самое ближайшее время. Ведь всего-то месяц назад всеильный верховный жрец, старший цензор Тайной службы и военный министр в одном лице — благороднейший Риишлее — в очередной раз вызвал их с Готором в столицу королевства Готоредаан, славный город Западная Мооскаа.

Красная гвоздика в петлице — это замечательно! Это придает особый вес ее владельцу в глазах всякого, кто понимает. Но... Подбирать наряд для выхода в свет — и так истинная морока для воина, который в оружии и подвигах на поле брани разбирается куда лучше, чем в тряпках и украшениях. А одеваться, подбирая всю свою одежду под эту сравнительно небольшую брошку, сияющую гранатово-красной эмалью, — и того сложнее.

И хотя над владельцем подобного «украшения» никто смеяться не станет, ибо это знак вхождения в ближний круг короля, тем не менее пренебрегать модой и светскими условностями неразумно. Светское общество может быть куда более жестоким и коварным, чем самые свире-

пые кредонские солдаты, разбойники и кровные враги, в достаточно большом количестве охотящиеся за благородным оу Ренки Дарээка и его немногочисленными друзьями.

Так что Ренки с Готором, собираясь во дворец, выбирали наряды очень тщательно, а перед выходом, встретившись в холле своего столичного дома, внимательно и скептически оглядели друг друга.

— Нормально, — махнул рукой Готор. — Немного тускловато. Но вроде особо серьезных ошибок не видно.

— Ты тоже в порядке, — буркнул Ренки, во-первых уставший наряжаться, а во-вторых, слегка огорченный определением «тускловато». — Как думаешь, зачем нас вызвали? И почему в Большой дворец?

— Даже отдаленно не представляю, — развел руками Готор. — Вроде грехов за нами никаких не числится. Если бы дело касалось Тайной службы или поисков Амулета, нас бы вызвали в Малый дворец, к Риишлее. По поводу финансов я, скорее всего, получил бы приглашение от герцога Моорееко. Может, это как-то связано... — Готор многозначительно постучал по гвоздике в своей петлице. — В общем, гадать бессмысленно, — продолжил он с наигранной беззаботностью. — Полагаю, через час-другой мы и так все узнаем.

Чем дальше — тем страннее. По прибытии во дворец встретившие их личные слуги короля провели друзей не в особые королевские покои, где уже неоднократно заседал «совет заговорщиков» — людей, осведомленных об иномирном происхождении оу Готора Готора и желающих использовать его знания на благо Тооредана, — а в некий кабинет для официальных заседаний, обычно пустовавший, ибо его величество Йоодоосик Третий предпочитал вершить дела королевства либо в куда более приватной обстановке, либо на паркетах королевских приемов.

— Хм... Посмотри — адмирал оу Ниидшаа, — не удержавшись, ткнул Ренки локтем своего приятеля, заметив форму морского офицера.

— И генерал оу Дезгоот, — улыбнувшись, показал на противоположный угол Готор. — Прямо даже не знаю, к кому из них бежать первому, чтобы поздороваться.

— Конечно к Риишлее! — возмутился подобным незнанием этикета Ренки. — Он же тут пока самый старший.

Друзья направились к всесильному верховному жрецу и своему главному патрону, преследуя при этом тайную надежду узнать цель данного собрания. Но тот хоть и ответил весьма тепло и любезно на их приветствия, однако предпочел сохранить тайну.

Столь же любезный и теплый прием они получили и у оу Ниидшаа с оу Дезгоотом — когда-то друзья вместе с генералом и адмиралом участвовали в знаменитом рейде на Тинд. А генерал так и вовсе когда-то был их полковым командиром, с которым они вместе не раз смотрели в глаза смерти, но успешно выбирались из самых, казалось бы, безнадежных ситуаций. Увы, но даже оу Дезгоот ничего не знал, а адмирал, возможно, о чем-то и догадывался, но, как человек благоразумный, предпочел оставить эти догадки при себе.

Но вот разговоры затихли, а приглашенные торжественно выстроились вдоль стен. Двери в покои короля открылись, и его величество вошел в зал с небывалой торжественностью, которую он обычно демонстрировал только в официальной обстановке.

Вошел, сел во главе стола в кресло, больше напоминающее трон, и сделал знак присутствующим занять свои места.

Началась небольшая суета и даже толкотня. Как обычно, места занимались согласно титулу, рангу и положению при дворе, а это подчас становилось задачей, способной завести в тупик даже университетского профессора математики. Как сопоставить придворные, гражданские и военные чины с древностью родов, заслуженными титулами и благосклонностью короля на текущей момент? С одной стороны, нужно не показать себя выскочкой, ибо можно опозориться, если вдруг его величество прикажет пересесть подальше от себя (подобные случаи бывали), а с

другой — не умалить собственные достоинства, заняв неподобающее своему рангу место.

Кажется, только Готор, не стал мучиться решением столь непростых вопросов, а просто сел рядом с адмиралом оу Ниидшаа и генералом оу Дезгоотом, потому что находился и с тем и с другим в очень хороших отношениях. Ренки, лишней раз подосадовав на нелегкую науку быть придворным, подумав, согласился с этим выбором. Гвоздики в петлице давали им определенные привилегии, но в то же время, пропуская достойнейших полководцев вперед, они демонстрировали им уважение как своим бывшим командирам.

— Судари, — раздался негромкий голос короля, и всеческие шепотки и ерзанье на стульях мгновенно затихли. — Я собрал тут вас, самых верных моих слуг, дабы сообщить о своих планах. Приступайте, Риишлее.

— Итак, судари. — Голос военного министра был несколько громче королевского, но и к нему приходилось внимательно прислушиваться, дабы ничего не упустить. — Как вы знаете, в противостоянии с Кредонской республикой мы зашли в тупик. Мы сдерживаем врага, но сил наступать у нас нет. И уж тем более о том, чтобы вернуть наши законные владения, в создавшейся ситуации и речи быть не может. Возможно, стоило бы этим удовлетвориться — не захватили же нас в конце-то концов. Но казна королевства оскудевает, торговля и ремесла чахнут, а страна слабеет. Как ни грустно это признавать, у Кредона есть куда больший запас прочности, так что в конечном итоге победа может остаться за ним. Дабы не допустить этого, нам необходимо нанести удар. Один сильный и точный удар, который сможет переломить ситуацию в нашу пользу и заставит Кредонскую республику поумерить свой пыл. И этот удар мы нанесем на море! Да, судари, не удивляйтесь, именно на море. Там, где республика опасается нас меньше всего, полагаясь на свой самый сильный на всем океане флот. Нет-нет, друзья мои, у меня не случился приступ безумия. Все достаточно просто. Пока у них есть флот, любые поражения, которые мы смо-

жем нанести вражеской армии на суше, кредонцы компенсируют за счет своих заморских владений, а главное — крайне доходной торговли. И пусть наши доблестные корсары, — Риишлее позволил себе улыбку в сторону военных вождей берега, — уже немало сделали, чтобы подорвать эту торговлю, только решительная победа заставит кредонцев умерить свою жадность и заговорить о мире. А теперь пусть благородный оу Ниидшаа, наш наиболее умелый адмирал, расскажет, каким именно образом мы будем сражаться с неприятелем на море.

Раздался стук в дверь, и в каюту, услышав: «Войдите», — ввалился Готор.

— Хе-хе... Обустройстваешь гнездышко? — поинтересовался он, разглядывая стену.

— Ну, это чтобы оружие всегда было под рукой, — чуть стеснясь, сказал Ренки, ожидая очередных подколов от приятеля. Так уже было, когда он взялся украшать свое жилище в поместье согласно собственным вкусам и представлениям о прекрасном. То есть привычно развесил по стенам много всякого стреляющего, режущего и колющего.

В качестве альтернативы Готор предложил другу украсить стены картинами, но был явно не понят. Нет, Ренки, конечно, ценил красивую гравюру в книжке, да и в его городском доме картины имелись — остались от прежнего хозяина. Он даже, следуя придворной моде, поддерживал разных там поэтов и художников, хотя душа его куда более была расположена к простым радостям вроде площадных пьес и баллад бродячих сказителей. Но в своем собственном доме он хотел обустроить все согласно своим собственным вкусам. Как и в каюте своего собственного корабля.

— Если хочешь, чтобы оружие всегда было под рукой, — усмехнулся Готор, развалившись на диване, — держи его в оружейном шкафу, а не на стенке. А то пока снимешь его со всех этих крючков, тебя уже десять раз на бордаж успеют взять!

— Не успеют, — недовольно буркнул Ренки. И добавил, торопясь перевести разговор на другую тему: — Так

как ты думаешь дальше-то действовать, когда придем на Литругу?

— Хороший вопрос, — становясь серьезным, ответил Готор. — Наш благороднейший и многомудрый Риишлее в своих планах, кажется, немного переоценил степень нашего влияния на пиратов или просто очень нам доверяет. А ведь непосредственно под нашим командованием находится не более чем дюжина кораблей, да еще на десяток-другой капитанов, полагаю, мы имеем достаточно сильное влияние, чтобы уговорить их поучаствовать в подобной аванюре.

— Это не... — начал было Ренки, но Готор прервал его:

— Я-то знаю, что это не авантюра. Но мы ведь не можем раскрывать все планы Риишлее банде пиратов? Помнишь, что ты сам говорил о шпионах, которые могут затесаться среди понаехавших на остров искателей приключений?

— И как же мы будем уговаривать пиратов напасть на военный флот Кредонской республики?

— Что бы там ни говорили разные романтики, а рискнуть жизнью пират готов только за очень большой куш. Боюсь, мой дорогой друг Ренки, нам опять придется много-много врать. Вот только убей меня, а в голову не приходит, что бы можно было им предложить настолько вкусного. М-да, нет тут у вас своей Картахены или чего-то подобного.

— Картахены? — переспросил Ренки.

— Город в моем мире, — пояснил Готор. — Находился на еще довольно диком и неосвоенном материке, но туда свозилось все добытое в окрестностях золото и серебро, переправляемое в Старый Свет, это... Короче, думаю, ты понял. Так что неудивительно, что Картахена всегда была лакомым кусочком для пиратов всех видов и мастей, начиная с простых морских бродяг и заканчивая теми, кто грабил от имени государства с адмиральскими погонами на плечах.

— А может, предложить им ограбить Старую Мооскаа, Валкалаву или Фесткию?

— С таким же успехом мы можем предложить им прямо напасть на кредонский флот. Мол, корабли там богатые, одних пушек на каждом — от сорока до восьмидесяти. Это ж скока меди да бронзы! А еще ядра, порох, мушкеты всякие, пики, сабли... Продадим — до конца жизни хватит. Нет, связываться с государствами, их регулярными армиями и флотами наши пройдохи не станут даже ради очень большого куша. Мозги у них, может, малость и отбитые, но не настолько.

— Так что будем делать? — спросил Ренки. Еще пару лет назад эта ситуация привела бы его в полное отчаяние, но сейчас его вопрос звучал вполне по-деловому. — Может, уговорим фааркоонских купцов поучаствовать? Многие из них нам очень даже обязаны!

Первый опыт обмена пленниками, захваченными в результате корсарских рейдов, был более чем удачным. Если в чем на кредонцев и можно было положиться, так это в том, что ради своей выгоды они обойдут любые законы и согласятся на самые безумные сделки.

Торговать пленными было выгодно. И если республика запретила делать это напрямую, грех не воспользоваться обходными путями. Например, обменивать пленных тоореданцев на пленных кредонцев и потом уже взять выкуп с собственных сограждан. Кредонские корсары с литругскими коллегами делают свой маленький бизнес и просят посторонних в него не вмешиваться!

Когда первый из кораблей с возвращенными пленниками прибыл в Фааркоон, Готор и Ренки были в столице, так что оценить эффект от этой своей затеи не могли. Но по тому, как встречали по возвращении военных вождей берега, можно было сделать определенные выводы.

Хотя какие там, к демонам, выводы? Вернуться с кредонской каторги — это все равно что прийти назад из-за Кромки. Семьи давно уже оплакали потерянных отцов и мужей, отнесли поминальные свитки в храмы и принесли жертвы.

Среди полутора сотен человек, что удалось возвратить

в тот, первый раз, больше половины были именно из Фааркоона (одно из условий сделки). Город ликовал и превозносил тех благодетелей, которые сделали это возможным. Так что Готора и Ренки встречали тогда почти как богов, сотворивших истинное чудо. Им охотно прощали все старые обиды и даже, авансом, будущие. Кажется, даже после рейда на Тинд город не прославлял своих властителей столь громко и не праздновал их возвращение столь пышно. И это окупало все финансовые затраты и компенсировало потраченное время и нервы.

С тех пор состоялось еще два таких же обмена, пусть и с меньшим количеством спасенных (у литругских пиратов не было столько пленных), и каждый раз радости горожан, вновь обретших своих, казалось бы, бесследно пропавших и уже оплаканных родных, не было предела.

Но купцы Фааркоона были обязаны военным вождям берега не только этим. И дело не в упорядоченной системе налогов и законов (до сих пор среди фааркоонцев было немало противников этих новшеств), а в той выгоде, которую купцы извлекали из эксклюзивной торговли с пиратским островом Литруга. Ведь именно сюда в конечном итоге и попадала львиная доля награбленной добычи. И если бы еще не дурацкие условия, которые поставили вожди...

— Уважаемые, напоминаю вам, — насмешливо глядя на собравшихся, заметил однажды Готор наиболее богатым купцам города, недовольным сложившейся ситуацией. — Мы даем вам допуск к выгодной торговле, а взамен настаиваем, чтобы половину своих доходов вы потратили на строительство мануфактур. И можете оставить претензии и разговоры о справедливости при себе. Никого заставлять я не намерен, кому не нравится — может встать и уйти прямо сейчас! Нет таких? Тогда продолжим.

— Но... — внезапно набрался смелости один из купцов средней руки. — Я вот, к примеру, всегда занимался морской торговлей и в этих ваших тканях или кузнечном деле ничего не смыслю. Ну, то есть, как все это делать не смыслю, в самих-то товарах, конечно, разбираюсь. Так что же это получается? Коли возьмусь я мануфактуру ставить —

все деньги впустую просажу, и выгоды от того ни вам, ни мне не будет! Может, лучше какой-нибудь дополнительный налог введете, процентов этак пять?

— Да вы, никак, меня подкупить решили, милейший? — даже рассмеялся в ответ Готор. — Это настолько смешно, что я даже наказывать вас за это не стану... на первый раз. А что касается «не знаю, не умею»... Благородный оу Ренки Дарээка, не напомните ли мне главное правило морского офицера?

— Всю жизнь учиться.

Как обычно, на подобных собраниях Ренки скучал, а болтливость купечества его изрядно раздражала. Благородный оу Дарээка сейчас с куда большим удовольствием отправился бы на инспекцию их полка либо провел бы несколько часов в фехтовальном зале, но у феодала наравне с привилегиями были и обязанности. В данном случае — сидеть и делать вид, что уговаривать купцов стать еще богаче тебе страшно интересно и нет никакого желания вбить правильные идеи в их головы тяжелой капральской палкой. Так что голос, которым он произнес эту банальную истину, звучал настолько зловеще, что мурашки невольно побежали по спинам присутствующих. Репутация благородного оу Ренки Дарээка была весьма суровой. По городу активно ходили слухи, что если с оу Готором, который тоже далеко не подарок, а иногда так и вовсе сущий демон из преисподней, еще можно как-то договориться, то оу Дарээка чуть что — сразу хватается за свою знаменитую шпагу. И хотя Ренки за многие годы пребывания в Фааркооне никого тут не убил (из честных жителей), его откровенно побаивались.

— Видите, уважаемые, — немного хищно улыбнулся купцам Готор. — Даже благородные оу готовы всю жизнь чему-то учиться. А вы изволите зевать да почесываться, мечтая, чтобы все шло «как в старину». Не знаете — учитесь! Не умеете — наймите того, кто умеет! Благо Фааркоон имеет под боком целый университет, где учат и учатся весьма незаурядные умы. Список мануфактур, которые мы желали бы видеть в своих владениях, уже вывешен в

ратуше. Нами намечены места размещения и подсчитана примерная стоимость построек. Так что половина работы за вас уже сделана. Ждем от вас нижайших просьб на разрешение создать мануфактуру, иначе путь на Литругу будет для вас закрыт. И не надо строить такие обиженные рожи. Через пару годочков сами будете меня благодарить, что заставил вас взяться за это дело. Ну, конечно, кроме тех дураков, которые откроют предприятия только для того, чтобы «от них отвязались». Эти потратят свои деньги впустую.

Да, что ни говори, а фааркоонские купцы были немало обязаны своим вождям. Пусть половина доходов торговцев и уходила, как им казалось, на непонятные дела, однако и того, что оставалось, было более чем достаточно, чтобы снарядить еще дюжину-другую кораблей пиратского флота. Только вот смысл игры был в том, чтобы заставить напасть на кредонский флот именно литругцев и тех, кто прикрывается их флагами.

— Должны-то должны... — рассеянно сказал Готор. — Но не настолько, чтобы воевать с целым Кредоном. Для этого существуют благородные офицеры и нищие солдаты. А дело купцов — добывать деньги для войн, а не самим лезть под пули. Ну да ладно, что-нибудь придумаем, мысли по этому поводу у меня есть. А я, собственно, зашел к тебе сказать, чтобы ты с батарейной палубы шесть пушек снял, желательно по центру корабля. На другие орудия заменим.

— Это твои новинки? — поинтересовался Ренки без особого энтузиазма. Нет, он верил в Готора и его знания, но фрегат уже и так был прекрасно укомплектован, и вводить какие-то новшества в последний момент не хотелось.

— Да, — кивнул Готор. — Понадобятся особые боеприпасы и люди, умеющие с этими боеприпасами обращаться. Так что расчисть место в кюйт-камере. Да и в команде придется произвести некоторые замены.

— А может...

— Не может, — категорично покачал головой Готор. — По сравнению с обычными пушками эти — как вон тот

егерский мушкет по сравнению с самострелом акчскаа. Конечно, не хочу сказать, что из-за шести орудий «убойность» твоего залпа сравняется с залпом линейного корабля, но при определенной удаче ты сможешь и линейному зубу показать.

— А по поводу экипажей?

— Это будут пушкари из нашего полка, — успокоил Готор Ренки. — Причем самые толковые, я сам их подбирал и обучал. Не кисни. Пока такие пушки только на новых кораблях Королевского флота стоят. Я и эти-то еле-еле у нашего адмирала выпросил. Так что это еще и очень почетно — вести в бой корабль с таким вооружением.

— Ладно, — все так же без особого воодушевления согласился Ренки. Он был не против новинок, просто предпочитал сначала самолично пощупать — потрогать — испытать и только потом принимать решение. И если бы нечто подобное предложил ему кто-нибудь другой, скорее всего, он бы категорически отказался. Но Готор был не только другом, но и *вождем*, главой их *банды*, так что воспитание Ренки требовало безоговорочного подчинения.

Еще примерно час друзья обсуждали разные детали организации предстоящей экспедиции. В основном всякую банальщину вроде сухарей, крупы, солонины, живых кур и свиней да прочего провианта. И еще десятки, а то и сотни подобных мелочей, без которых дальнейшее плавание даже при наличии самого красивого корабля и самых белых парусов окончится трагично либо вообще не начнется.

— Кстати, — уже закончив с делами и собираясь уходить, напомнил Готор, — ты не забыл, мы сегодня ужинаем у Одивии.

— Помню, — поморщившись, ответил на это Ренки.

Одивия Ваксай — очень странная, если не сказать больше, девушка. Ренки познакомился с ней еще будучи простым сержантом, когда подрабатывал учителем фехтования.

Девица, возжелавшая учиться фехтованию! Поначалу это казалось Ренки чем-то почти неприличным. Или, ско-

рее, невозможным и диким. Тем более что девица сия была даже не из благородных, а простого купеческого звания.

Спустя пару лет Одивия Ваксай ошарашила своими странностями не только благородного оу Ренки Дарээка, но и всех почтенных купцов Фааркоона, когда после гибели отца начала самостоятельно вести дела Торгового дома Ваксай, причем не без успеха.

Потом девица сия стала бесполезна и для королевства, ибо многие задумки, благодаря которым Готор умудрялся вырывать победу прямо из лап врага, реализовывались на принадлежащих ей верфях и не без ее помощи и подсказок. Так что имя Ваксай стало звучать и в самых высоких кругах Тооредана.

А если еще и учитывать их прошлогодние приключения (кстати, тогда выяснилось, что род Ваксай — довольно древний и хорошо известен в Валкалаве, откуда семья девушки была вынуждена бежать) и ту неоценимую помощь, что оказала им Одивия в поисках Священных Реликвий Старой Империи, то неудивительно было слышать, что Готор называет владелицу Дома Ваксай их ближайшим союзником и другом. И Ренки тоже искренне считал ее таковой. Но вот... Несмотря на уважение, расположение и дружбу, которые оу Ренки Дарээка питал к сей особе, она его частенько невыносимо раздражала.

Да еще и все эти разговорчики и вопросыки... Почему-то все вдруг вообразили, что между ним и этой девицей есть какие-то любовные отношения! И если бы это ограничивалось лукавыми взглядами да шепотками за спиной... Все эти наветы серьезно портили Ренки жизнь, причем не столько в Фааркооне, сколько в столице! В первый же день их последнего визита в Западную Мооскаа Ренки пришлось пережить как минимум два весьма неприятных разговора по этому поводу.

— Что ж, парень, — усмехнулась дама Тиира — одна из самых могущественных женщин королевства, ставшая наставницей и покровительницей оу Ренки Дарээка на

основании весьма дальнего и сомнительного родства. — Вижу, что ты не скучаешь и весьма стараешься, исполняя свой долг перед королем. Это похвально. Хотя я могу попенять тебе, что свой долг ты стараешься исполнять там, где удобно тебе. Поле брани и корабельный мостик — это, конечно, очень хорошо. Но ведь ты еще и придворный, а на этом поприще, боюсь, ты не слишком преуспел. А ведь гвоздика в твоей петлице означает не столько привилегии, сколько обязанности. Махать шпагой да палить из пистолетов — замечательное занятие для простого оу. Но человек, входящий в ближний круг короля, должен вершить дела посерьезнее.

— Но, кажется, я... — начал было Ренки, уязвленный этими словами.

— Угу, — перебила его дама Тиира. — Ты был весьма неплох, помогая своему приятелю. Вполне может быть, что без тебя он не смог бы добиться тех успехов, которые вы продемонстрировали в прошлом году. Но... Друг мой, я верю, что ты способен на большее! Свою гвоздику ты пока получил скорее как защиту от многочисленных высокопоставленных врагов, которых нажил, служа королю. Но гвоздика в петлице — это уровень государственного человека, а не любителя помахать шпагой да пострелять из пистолета. Можешь считать, что досталась она тебе в качестве аванса.

— И что я делаю не так? — холодно спросил Ренки, сумев сдержать гнев и раздражение.

— От двора бегаешь, — спокойно ответила ему дама Тиира. — От всей этой нашей грязи и интриг. Хочешь чистеньким остаться... Как на картинке — на капитанском мостике, в клубах дыма да со шпагой в руке, красота! Впрочем, ладно. Придворным надо или родиться, или очень-очень захотеть стать. Остается только сожалеть, что твоя семья утратила былое величие и ты рос не на дворцовых паркетах, а на армейском плацу. Видно, истинной страсти к придворной жизни от тебя ждать уже бессмысленно. И тем не менее ты уж изволь постараться. Заводи связи, изучай людей, их характер, слабости или силу. Вни-

кай в суть интриг — кто с кем дружит, кто враждует, в чем причина вражды или дружбы. Все это тебе когда-нибудь обязательно понадобится. Понял?

— Да, — кивнул Ренки, едва сдерживаясь, чтобы не поморщиться, как от зубной боли. — Я постараюсь.

— Хм... Старательный какой, — столь же недовольно буркнула дама Тиира.

Из-за своей очень давней связи с королем она была лишена счастья материнства, ибо от кого бы ни родился ребенок (от короля, официального мужа, прозябающего ныне где-то в провинции, или случайно подвернувшегося любовника), его судьба была бы неизменно печальна — стать разменной монетой в жестоких играх дворцовых интриганов, а то и заговорщиков.

Она уже давно смирилась с этим и сумела правильно настроить свое сердце. Сколько бы юных миленьких мордашек ни мелькало в ее окружении, никто не смог взломать ворота сей крепости. Так что когда по долгу службы королю ей пришлось взять покровительство над неким юным, но выглядящим уже весьма потрепанным жизнью молодым провинциальным оу — неловким, нелепым и кажущимся каким-то абсолютно чужеродным на дворцовых паркетах, — она отнеслась к этому довольно спокойно. Уж с этой-то стороны ее надежно упрятым материнским чувствам точно ничего не грозило. Девятнадцатилетний оу Ренки Дарээка походил скорее на каторжника, матерого головореза, одетого в дорогой камзол, нежели на того, о ком хочется заботиться и кого приятно опекать и баловать.

Что ж, опытный фехтовальщик Ренки мог бы прочесть даме Тиире целую лекцию о том, как опасно недооценивать противника, если бы сам хоть немного был искушен в фехтовании чувствами. Спустя какое-то время великая и ужасная дама Тиира из рода оу Гии, первая дама двора была вынуждена признать, что, пожалуй, действительно принимает слишком близко к сердцу судьбу этого мальчишки, и смириться с этим. Но как почти всякий ребенок, Ренки отнюдь не радовал свою «родительницу»,

спеша воплотить в жизнь ее устремления и несбывшиеся надежды, по-прежнему воротя нос от двора.

— Кстати... — после небольшой паузы продолжила дама Тиира. — Я тут поинтересовалась состоянием дел в твоём поместье и вообще — богатствами. Не удивляйся так. Ришлее прислал мне подробный отчет — его люди надежно присматривают за вами. А я сумела привести довольно веский довод, чтобы запросить эти сведения. Какой? Потом узнаешь! Так вот, вижу, дела у тебя идут довольно хорошо. И поместье весьма немаленькое, и доходы впечатляют. Смущают разве что две вещи. Во-первых, кажется, вы с этим Готором действительно неразлучны, ведь даже ваши поместья фактически объединены в одно. Нет, я не вижу в этом ничего плохого. Но вот других это может несколько удивить. Кого других? А сам что — не догадываешься? Во-вторых, в присланных мне отчетах на каждой странице мелькает имя этой твоей девицы, Одивии Ваксай. Ее там слишком много! Я, конечно, все понимаю: ты молод, а она, говорят, вполне миленькая особа. Развлекайся сколько влезет. Хоть с ней, хоть с белошвейками или даже девками из борделей. Но долговременная связь с этой купчихой тебя не красит.

— Нет у нас никакой связи! — еле сдерживаясь, чтобы не заорать, прошипел Ренки. — К тому же она не просто купчиха. Как выяснилось, их род весьма древний и в Валкалаве стоял весьма близко к трону.

— Я знаю, — отмахнулась дама Тиира. — Род Ваксай даже состоял в родстве с правящей династией Старой Империи. Потому-то тут у нас их и постарались задвинуть подальше — слишком много проблем они могли создать, оставаясь в числе благородных фамилий. Но все равно! Купчиха или благородная — она тебе не пара.

— Да я и не... — начал было Ренки. — И вообще, при чем тут...

— Как твоя старшая родственница, — прервала его дама Тиира, — я должна позаботиться о твоём браке. А это непростая задача — либо ты недостаточно хорош, либо невеста, либо этот брак не несет политической выгоды.

Я пока раздумываю над подходящей кандидатурой, но в любом случае с этой девицей Ваксай ты отношения прерви.

Да, неприятный вышел разговор, какой-то жутко неловкий и несвоевременный.

Нет, Ренки уже давно не был тем романтичным юношей, которому сама мысль посетить бордель казалась грязной и недостойной. Хотя, конечно, он и сейчас не считал это особой доблестью и поводом для гордости, но жизнь солдата имеет свои особенности, ограничения и мимолетные радости. А с некоторых пор этот вопрос вообще перестал его особо беспокоить, ибо богатый феодал всегда может найти более чистый, пристойный и безопасный вариант, чем шлюхи. И в Фааркооне, и в поместье, и даже на Литруге у него уже были определенные... Впрочем, эта тема личная, и не стоит в нее слишком углубляться, во имя благопристойности.

Да и против женитьбы по уговору Ренки никаких особых возражений не имел. В конце концов, разве большинство браков в среде благородных не заключаются именно подобным образом? А романтика... Для романтики всегда в его сердце останется укромный уголок. И чем меньше реальности сможет в этот уголок пробраться, тем проще будет всем. Вон, по слухам, его прежний идеал прекрасной дамы, воплощенный в девице, которая досталась оу Лоику Заршаа в жены, мягко говоря, едва ли смог стать залогом счастливого брака. Поэтому сама идея жениться на ком-то, кого вовсе не знаешь, Ренки не пугала.

Так что же тогда так раздражало Ренки в словах дамы Тириры? Во-первых, наверное, то, что женитьба сейчас была уж очень не к месту. На носу война, поиски сокровищ, во владениях — куча проблем, которые надо решать, а тут еще и женитьба! Вот, может, через пару-тройку лет... Сейчас отвлекаться на подобное жутко не хотелось.

А во-вторых, жизнь только-только более-менее наладилась, пришла в норму, и мысль включать в этот тонкий

сбалансированный механизм кого-то нового откровенно пугала.

В раздумьях о своих проблемах Ренки покинул дворец дамы Тиiry и решил, коли все равно оказался рядом, посетить улицу Оружейников, издавна славящуюся своими лавками. Не то чтобы ему было нужно купить что-то конкретное... Так, просто хотелось ознакомиться с новинками. Ну а уж коли глаз зацепится за что-то интересное — деньги для того и созданы, чтобы тратить их на удовольствия. Особенно пока нет жены, имеющей свое мнение о том, как тебе жить, развлекаться и распоряжаться содержимым кошелька.

Привычное изучение и перебирание разнообразного стреляющего, колющего, рубящего и режущего оружия подействовало на Ренки, как и на большинство мужчин во все эпохи, успокаивающе и вернуло благостное расположение духа. После чего идея посетить кабак показалась весьма логичной и не менее вдохновляющей. Потому как пирожки, которыми угощали его в покоях дамы Тиiry, возможно, и представляли собой образцы изысканной кулинарии, но, когда ты молодой мужчина, чей рост позволяет смотреть сверху вниз даже на большинство остальных, считающихся высокими мужчин, а ширина плеч вполне соответствует росту, твой организм требует не столько изысканности, сколь обилия и сытности. Так что — в кабак! Куда-нибудь подальше от дворца и тамошних деликатесов, туда, где владельцы заведений знают, чем предпочитают набивать брюхо простые благородные оу, а не пытаются изумить зажавшихся дворцовых щеголей и их подруг.

Подходящее заведение нашлось довольно быстро. Благо, бывая в Западной Мооскаа, Ренки не упускал случая посетить улицу Оружейников и успел изучить окрестные кабаки. Он сел на потертую лавку за изрезанный кинжалом стол, сделал заказ и с удовольствием огляделся. Публика была самая подходящая. Больше половины — в мундирах разных полков, хотя желтый цвет Девятнадцатого Королевского превалировал в этой гамме. Но у благородного

оу Ренки Дарээка никогда не было особых проблем с этими ребятами, скорее даже наоборот, ведь в своем первом сражении он стоял на одном поле боя вместе с «желтомундирниками», правда, тогда еще в роли каторжника. Впрочем, не было у него проблем и с представителями любых других полков. Зато знакомых и приятелей тут хватало. Многие из посетителей узнавали Ренки и приветствовали его уважительными кивками и добродушными улыбками.

Появившаяся в дверях компания в знакомых зелено-красных мундирах сразу привлекла его внимание уже совершенно по-особому. На несколько мгновений лицо Ренки озарилось радостью, на которую, впрочем, довольно быстро невольнo набежала темная туча... Но, увы, в промежутке между этими двумя преобразованиями он уже успел подняться во весь рост и помахать рукой группке офицеров — судя по мундирам, своим бывшим однополчанам.

Что ж, его заметили. И после недолгого совещания вся компания направилась в сторону занятого им стола.

— Вот, судари, позвольте вам представить — тот самый легендарный оу Ренки Дарээка, о котором вы, вероятно, премного наслышаны. Сейчас, как вы видите, он в партикулярном платье, но, кажется, последний раз, когда мы встречались, благородный оу пребывал в чине первого лейтенанта. А сейчас... Э-э-э, в каком чине вы сейчас, сударь?

— И я очень рад тебя видеть, Лоик. Сейчас я что-то вроде полковника иррегулярных войск. Но какими судьбами вы тут? Разве Шестой Гренадерский сейчас не на севере?

— А это, изволите ли видеть, полковник оу Дарээка, трое выпускников Офицерского училища: оу Роогиир, оу Лоршаа и оу Фаасн, собираются пополнить славные ряды волонтеров Шестого Гренадерского в ожидании офицерской вакансии. А я приставлен к ним кем-то вроде няньки и, раз уж все равно оказался в столице, буду сопровождать их в полк.

— Очень приятно, — кивнул Ренки. — Не окажете ли, судари, честь отобедать со мной? Однако, Лоик, с чего это

вдруг Шестому внезапно понадобилось такое пополнение? Разве вы вели бои и есть потери?

— Видите ли, полковник, офицеры Шестого Гренадерского имеют странную привычку куда-то пропадать, а потом всплывать в совершенно неожиданных местах в совершенно неожиданных должностях, по причине чего у нынешней молодежи стать офицером именно этого полка считается большой удачей. Вот эти трое, например, по слухам, — самые выдающиеся выпускники своего курса. Имея право выбора полка, они напросились именно в Шестой.

— Что ж, судари, я могу вас только поздравить как с успехами в учебе, так и со вступлением в ряды Шестого Гренадерского. Хм, Лоик... А почему так официально? Мне казалось, что мы друзья.

— Мне когда-то тоже так казалось, господин полковник...

Беседа не складывалась. Ренки, видя упорное нежелание своего старого приятеля переходить к дружескому общению, тоже сменил тон на официальный, начав именовать Лоика лейтенантом оу Заршаа. Расспросы о старых знакомых также завели в тупик. Мало того что Лоик отвечал односложно и холодно, так еще и выяснилось, что за это время в полку сменились почти все офицеры. И Ренки знал (вернее, догадывался), куда они исчезли. У генерала оу Дезгоота были большие планы по переустройству армии Гооредана, и слухи о неких новых частях уже не первый месяц обмусоливались во всех штабах и офицерских собраниях.

Была понятна и причина, почему оу Лоик Заршаа — некогда восторженный юнец, променявший весьма перспективную карьеру придворного или гвардейца на горький хлеб обычного армейского служаки, — не попал в число этих «ушедших офицеров». Некогда подвижный и бойкий, сейчас второй лейтенант обрюзг и потяжелел, а на его лице оставили след многочисленные попойки и загулы. И что бы там ни говорил Готор, он, Ренки, отчасти тоже был в этом виноват.

— Как дела у прекрасной Одивии?

Внезапный вопрос вывел Ренки из его задумчивого состояния, и он быстро взглянул на приятеля. Равнодушное лицо и попытка соорудить скабресную гримасу не могли скрыть болезненного ожидания ответа, читавшегося во взгляде Лоика.

— Вполне успешно, — начал было Ренки, а потом, плюнув, на условности, выпалил: — И кстати, несмотря на слухи, между мной и ею ничего такого нет и никогда не было. Кроме, конечно, дружбы и взаимного уважения.

Голос его звучал напряженно и так искренне, что даже волонтеры, слушавшие не очень интересный им разговор вполуха, оторвались от своих тарелок и пристально уставились на Ренки.

Лоик тоже смотрел ему в лицо... А Ренки смотрел на Лоика, понимая, какие чувства сейчас ведут непримиримую битву в его душе: желание поверить и желание пестовать свою обиду, находя в ней хоть какое-то утешение и оправдание своим неудачам.

На долю мгновения показалось, что старая дружба и бывшее расположение берут верх, но...

— Я слышал другое, — ответил на это Лоик, зло посмотрев на Ренки.

Еще несколько лет назад на подобные слова и взгляд Ренки бы мог ответить только вызовом на дуэль. Но, видно, годы все-таки чему-то его научили. Он только тяжело вздохнул и начал расспрашивать юнцов об обучении в Офицерском училище, попасть куда он когда-то так искренне мечтал. Обед и настроение были безнадежно испорчены.

ГЛАВА 2

И вот наконец-то выход в море. Впереди — шторма и штили, бесконечная, сводящая с ума равнина воды, раскаленное солнце и яростный огонь вражеских орудий. Хотя куда больше неприятностей доставляет однообраз-

ная нездоровая пища, прогорклая вода и теснота палуб и кубриков. Но сердце всякого моряка и даже сухопутного жителя каждый раз начинает биться в нервном восторге, когда слышатся команды: «Поднять якоря», «Паруса ставить». Впереди — предвкушение чего-то нового, удивительного и необычного. Невиданных экзотических стран, небывалых приключений, таинственных загадок и невероятных встреч. Даже если порой весь морской переход в соседний городишко занимает не больше суток на неспешном, старом, провонявшем рыбой корыте, все равно выход в море — это одно из тех маленьких чудес, которые так преобразуют нашу жизнь и запоминаются навечно.

А уж если под твоими ногами — палуба одного из лучших фрегатов, флагмана эскадры из шести вымпелов, и твой путь лежит к далекому острову в южных морях, вот уже сотни лет известному как прибежище пиратов и авантюристов со всего мира... Тут уж и говорить нечего. Тем более когда ты не просто пассажир или даже матрос — ты *капитан!*

И ничего, что по закону ты еще не совсем настоящий капитан и тебе положено иметь в экипаже шкипера, который будет вести корабль к цели и «давать полезные советы» в особо непростой ситуации. Но и шкипер обязан слушаться твоих приказов, даже если понимает, что ты направляешь свой корабль напрямиком в ледяные адские пустоши или в глотку морского змея.

Надо ли говорить, что Ренки сейчас был по-настоящему счастлив? Он еще не прожил и четверти века, а уже достиг столь многого — пехотный полковник (пусть и не совсем настоящей армии, которая, впрочем, в чем-то была даже лучше регулярной, ибо сейчас «настоящую» учили инструкторы, подготовленные в их с Готором полку), капитан на мостике собственного корабля, придворный, достигший таких высот, о которых иные могли бы только мечтать. И хотя во многом это были лишь подарки слепой удачи, но ведь и собственных усилий он, Ренки, приложил немало, успев за это время многое узнать и многому нау-

читься. Например, как водить корабли от одного порта к другому.

— Как думаете, шкипер Лоон, — обратился он к высокому, немного сутулому мужчине средних лет, стоящему на противоположной стороне мостика, — не прибавить ли нам парусов? Корабль крепкий, полагаю, выдержит. Ветер довольно неплох, ровный, а судя по облакам, шквала ожидать не стоит.

— Мы-то вполне можем прибавить. Тока вот, боюсь, остальные за нами не угонятся, — слегка ворчливо доложил Лоон.

Шкипер Дииги Лоон Ренки не то чтобы не нравился или был неприятен, просто за то не слишком долгое время, что они общались, оу Дарээка понял, что человек этот, мягко говоря, не разделяет его устремлений и восторгов. Это была меланхолически-пессимистическая натура, всегда предпочитающая постоять рядом, не вмешиваясь в события. Однако на место шкипера его посоветовал нанять сам капитан оу Маб, отрекомендовав как прекрасного моряка, у которого есть чему поучиться, в том числе и осторожности. И Ренки принял его в свой экипаж, хотя сильно сомневался, что именно такой человек должен стоять рядом с ним на мостике, когда он поведет свой «Счастливый» в бой.

— И тем не менее, — ответил он шкиперу, — я полагаю, нужно испытать, чего стоит «Счастливый» после всех переделок. Благо сейчас мы будем идти близ своих берегов, где не стоит всерьез чего-то опасаться. Попробуем оторваться от эскадры примерно на версту, потом развернемся и пойдем назад галсами, посмотрим, насколько круто к ветру может бежать наш кораблик. Затем обрежем корму последнему кораблю в эскадре, опять развернемся по ветру, обгоним всех и займем свое место флагмана. Признаться, меня немного беспокоят эти новые пушки, что подсунул нам Готор в самый последний момент. Он не сказал, что они несколько тяжелее прежних. И вам не кажется, что нос «Счастливого» стоит немного приподнять? Не слишком ли он стал зарываться в волну?

Путешествие на Литругу заняло не так уж много времени. Ветер почти все время был попутным, а корабли бежали резво, ибо в этот раз военные вожди берега не стали обременять эскадру тяжелыми купеческими судами. «Счастливого» сопровождали лишь сделанные по особому проекту корабли, совмещающие в себе черты обычного купца и военного судна.

И вот он, знакомый остров. Пушки форта, контролирующего узкий проход в гавань, разразились грохотом холостых залпов, приветствуя военных вождей, за последние полтора года ставших фактическими владельцами Литруги. Незаметно, тихой сапой, но Готор и Ренки подгребли тут под себя практически все сколь-нибудь важные объекты.

В первую очередь, конечно, сам форт, наблюдающий не только за входом в гавань, но и за поселком на побережье. А батальон солдат, занимающих сейчас этот форт, был, наверное, самой большой военной силой на всем острове, к тому же хорошо обученной и вооруженной.

Вероятно, несчастные литругцы до сих пор чесали затылки, пытаясь понять, как это их так сумели обвести вокруг пальца. Почти неприступный остров, что многократно за свою историю отражал нападения больших флотов противника, а в случае поражения всегда заставлял врага платить немалую цену за победу, в этот раз был захвачен без единого выстрела, одурманенный сладкими речами хитроумного оу Готора Готора, который убедил литругцев собственными руками выстроить ему крепость и фактически пригласить в нее солдат полка вождей берега.

Но самое главное — это то, что Готор сумел подмять под себя поставки и торговлю. Только подчиненные ему фааркоонские купцы могли привозить сюда любые товары — от продовольствия до оружия и предметов роскоши. Взамен торговцы скупали у местных пиратов их добычу куда дешевле ее истинной цены.

Потому-то неудивительно, что прибытие сразу обоих вождей на острове отмечалось едва ли не как День коронации. На местную площадь-пляж были выкачены бочки с

вином, вокруг них расставлены столы, забытые разнообразной закуской, и пиршество длилось почти сутки. За это время к «правителям» успели подойти, наверное, все сколько-нибудь значимые люди острова, в первую очередь — капитаны кораблей, дабы засвидетельствовать свое почтение. И столь же неудивительно, что за каждым движением, благожелательным кивком или нахмуренной бровью военных вождей берега внимательно наблюдали десятки весьма искушенных и опытных глаз.

С одними из гостей Готор был холодно-вежлив, с другими — приветливо-нейтрален, а кое-кого удостаивал недолгой беседы. Но были и такие, которые после разговора с вождями уходили с просветлевшими лицами, будто бы окрыленные.

После того как пиршество закончилось, некоторые капитаны зачастили с визитами в дом вождей и даже обсуждали что-то с ними в кабаках, замолкая, едва на горизонте появлялся кто-то чужой. Через какое-то время терпение не посвященных в тайну литругцев лопнуло.

— Хм... Простите, судари, мое нахальство, — почтительно обратился к вождям капитан Дгай. — Но у меня сложилось ощущение, что вы задумали какое-то большое дело...

Готор с Ренки как раз сидели на веранде своего дома, удачно расположенного прямо под стенами форта под прикрытием его пушек, и, пережидая полуденную жару, обсуждали дворцовые интриги. На столике рядом с ними стояла бутылка легкого вина и пара бокалов и лежала какая-то, судя по виду, очень старая карта, которую при приближении капитана Ренки несколько более поспешно, чем следовало бы, свернул и спрятал за отворот своего камзола. Оба вождя внимательно уставились на подошедшего Дгая.

Капитан за последние полтора года сильно изменился. Теперь в нем было не узнать того оборванца, который встретил их в первый день прибытия на остров. Он изрядно приоделся, да так, что, пожалуй, даже на улицах Запад-

ной Мооскаа мог бы выглядеть настоящим щеголем. В манерах его появилось больше уверенности, лицо округлилось и даже стало слегка лосниться от сытости. Но вот в глазах... Хотя он все еще оставался тем же дерзким пиратом и лидером острова, однако в глазах его появилось понимание, кто тут действительно главный, и оттого и тон его, и поза были сейчас даже несколько подобострастными.

— Вы совершенно верно поняли, любезный, — снисходительно кивнул ему Готор, едва сдержавшись, чтобы не подмигнуть Ренки.

— Однако, судари... Многие тут хотят знать, а нельзя ли и другим принять участие в вашей затее?

— Признаться, я не думаю, что вас это заинтересует, — бросил свою реплику Ренки. — Разве вам и так мало добычи?

— Да как сказать... — вежливо ухмыльнулся капитан Дгай. — Прежние жирные деньки, видать, уже в прошлом. Кредонец нынче стал пуганым и осторожным, ходит большими караванами. Да и военные корабли республики слишком часто стали появляться на морских дорогах. А суда других держав вы, судари, грабить запретили.

— Ну-ну, уважаемый Дгай, — строго глядя на капитана, шуточно пригрозил ему пальцем Готор. — Вы, кажется, забыли, что мы вообще не грабители, а славные каперы, ведущие непримиримую войну с жадными кредонскими убийцами и подлецами.

— Вот я и говорю, — невпопад ляпнул Дгай, — что добычи нынче стало мало, а добытчиков — много. И коли уж у вас есть какие-то идеи на этот счет, неплохо было бы поделиться ими с теми, кого вы сами же и втравили в морскую охоту. Иначе, боюсь, парней трудно будет удержать от нежелательных эксцессов.

— Ну, едва ли то, что мы затеяли, можно назвать морской охотой, — несколько фальшивя, заявил Готор. — Скорее уж — научная экспедиция.

— Вроде той, что вы устроили в прошлом году, когда, по слухам, вывезли целую кучу сокровищ Старой Импе-

рии прямо из-под носа мооскаавского сатрапа? — сразу насторожился Дгай.

— Можно сказать, что и так, — кивнул Готор. — Только ведь подобные предприятия, как правило, весьма рискованны, а вот стоящего результата никто гарантировать не может. Так что, полагаю, капитан Дгай, вам лучше вернуться к своему прежнему занятию. Думаю, в океане еще полно «жирной рыбки». И ее ловля — дело куда более надежное, чем наша охота на журавля в небе.

Потом Дгай, кажется, не слишком поверивший словам вождя берега, долго уговаривал взять его с собой, а Готор всячески отбрыкивался от этого предложения, напирая на опасность и ненадежность предприятия и даже суля весьма вероятную битву со всем кредонским флотом разом. А в ответ Дгай божился, что готов довериться удаче вождей и будет рад выполнить любой приказ, коли ему окажут такое высокое доверие.

Наконец вожди берега согласились включить Дгая, его корабль и экипаж в состав снаряжаемой экспедиции, но напоследок строго предупредили, чтобы он держал язык за зубами. Что он и поклялся сделать.

— Вообще-то Дгай — довольно надежный человек, — задумчиво глядя капитану вслед, сказал Ренки. — Он ведь может и сдержать слово...

— Он обязан сообщить своей команде о том, куда они идут и зачем, а также доложить обо всех возможных рисках. Таков пиратский закон, — усмехнувшись, ответил на это Готор. — Конечно, он и с них возьмет слово хранить молчание. Но они тут все из старожилов — кто-нибудь обязательно растреплет семье, родственникам, приятелям. И слушок побежит. Но для подстраховки я велел купцам в ближайшие дни подавать в трактирах вино позабористей и забыть о том, чтобы разбавлять его водой. Так что готов держать пари: не пройдет и пары дней, как все на острове будут знать о нашей затее, да еще и наврут с три короба о реальных размерах сокровищ.

— Знаешь, Готор, — задумчиво сказал Ренки. — Я в общем-то не очень ценю и уважаю местную публику, но не

кажется ли тебе, что мы поступаем с ними не слишком-то хорошо? Все-таки тот же Дгай неоднократно дрался с нами бок о бок на одной палубе...

— Я думал об этом, — кивнул Готор. — Но, во-первых, мы действительно предупредили их обо всех рисках, вплоть до драки с флотом Кредона. А во-вторых, ты, надеюсь, еще не раздумал искать Амулет?

— Конечно нет, — самую малость покривив душой, возмутился Ренки. — Но где его искать? Мне показалось, что после Старой Мооскаа все следы оборвались.

— Есть еще несколько ниточек, которые достались нам от нашего доброго приятеля Коваада Кааса. Конечно, они довольно сомнительные. Но все же, как ты помнишь, первая из них привела нас к Колоколу. Так что есть надежда найти что-то еще. Большинство из этих ниточек привязано к Срединному морю. Причем многие — к Южным Землям. Учитывая царящую на тех берегах обстановку и судя по опыту наших раскопок, научными поисками там лучше заниматься во главе немалой банды отпетых головорезов, нежели консилиума ученых мужей наподобие нашего почтеннейшего Йоорга.

— Ну... — невольно улыбнулся Ренки. — Почтеннейший Йоорг, помнится мне, тоже оказался тем еще пройдохой!

Готор оказался прав. Шила в мешке утаить не удалось, и уже спустя пару дней весь остров гудел, обсуждая предстоящую экспедицию. А на утро третьего дня к дому вождей подошла большая делегация и потребовала подробных разъяснений, включения всех желающих в состав экспедиции и справедливой дележки добычи.

— Едва ли теперь эта экспедиция вообще состоится, — цедя слова сквозь зубы, ответил им Готор. И пояснил, видя удивленные и возмущенные лица: — Думаю, вы и так все прекрасно знаете, что вход в Срединное море блокирует кредонская эскадра. У нас была единственная надежда — как-нибудь изловчиться и прорваться туда незаметно. Но теперь, после того как вы изволили растрезвонить

о нашем предприятии на пол-океана, едва ли это получится. Или, может быть, вы желаете обогнуть Южные Земли с юга и войти в Срединное море с восточной стороны? Все ли ваши корабли выдержат такое путешествие? А сколько народу помрет за время этого перехода? И на что будут годиться выжившие? Кредонцам достаточно послать еще одну эскадру для блокировки Восточных проливов, чтобы все мы отправились «искать сокровища» на дне моря. Поэтому расходитесь по домам. Никакой экспедиции не будет.

Недовольные литругцы еще побурчали какое-то время, но, видя солдат на стенах форта и добродушно поглядывающие на толпу жерла пушек, все-таки отправились во свояси. Хотя буза на этом не закончилась, тем более что и шевеление в стане Готора не прекратилось. Отобранные им капитаны продолжали подготавливать свои корабли к выходу в море, старательно игнорируя все вопросы и попытки обсудить их дальнейшие планы.

Подобное не осталось незамеченным «широкой общественностью». И чем больше думали пираты о загадочных сокровищах, тем больше в их воображении становились «обещанные» груды золота и драгоценных камней, зарытых где-то совсем недалеко. Всего-то на берегах хорошо знакомого Срединного моря, до которого при ясной погоде можно было доплыть за пару недель.

Эти груды золота жгли им глаза и души, мешали уснуть, делали вино кислым, а еду — пресной. Так что спустя какое-то время к дому вождей опять подошла делегация. На сей раз в составе ее были только капитаны.

— Судари, — повинно склонив голову, начал свою речь капитан Дгай. — Каюсь, я не смог сдержать данного вам обещания. Но сами ведь знаете, каковы обычаи среди тех, кто занимается непростым морским промыслом. Мы вместе воюем и вместе умираем. Так что, по нашим законам, хранить секреты от команды — это преступление. Поэтому-то я и был вынужден рассказать все своим людям, а те... Остров у нас маленький, стены хижин — тонкие, и утаить секреты невозможно.